

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.3.21>

Гончарова Юлия Вадимовна

[Социально-духовные предпосылки трансформации русской культуры в Серебряном веке](#)

В данной статье рассматривается процесс трансформации духовных ориентиров русской культуры в эпоху Серебряного века (рубеж XIX-XX вв.). Автор полагает, что отмена крепостного права в 1861 г. и последовавшие за ней социальные метаморфозы привели к дезинтеграции российского общества. Данный процесс сделал прежние духовные ориентиры неактуальными. Но пришедшая на смену классике культура Серебряного века изначально ориентировалась на индивида, оторванного от любой социальной группы и не чувствующего солидарности ни с кем. В работе анализируются основные философские идеи Серебряного века и способствовавшие их возникновению социальные факторы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/3/21.html

Источник

[Манускрипт](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 3. С. 108-112. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/3/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Социальная философия

Social Philosophy

УДК 1; 316.37

Дата поступления рукописи: 22.01.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.3.21>

В данной статье рассматривается процесс трансформации духовных ориентиров русской культуры в эпоху Серебряного века (рубеж XIX-XX вв.). Автор полагает, что отмена крепостного права в 1861 г. и последовавшие за ней социальные метаморфозы привели к дезинтеграции российского общества. Данный процесс сделал прежние духовные ориентиры неактуальными. Но пришедшая на смену классике культура Серебряного века изначально ориентировалась на индивида, оторванного от любой социальной группы и не чувствующего солидарности ни с кем. В работе анализируются основные философские идеи Серебряного века и способствовавшие их возникновению социальные факторы.

Ключевые слова и фразы: Серебряный век; трансформация нравственных установок; философия «всеединства»; религиозный экзистенциализм; иррационализм; «духовный ренессанс».

Гончарова Юлия Вадимовна

Воронежский государственный университет

goncharovajulia@icloud.com

Социально-духовные предпосылки трансформации русской культуры в Серебряном веке

Каждая культура в своём развитии проходит не только органичные (и гармоничные) этапы, но и переломные моменты, после которых многие её прежние смыслы и установки меняются до неузнаваемости. Отношение исследователей и современников к переломным этапам всегда двойное: с одной стороны, культура заметным образом мутирует и становится непохожей сама на себя, но, с другой стороны, именно в такие моменты возможно настоящее, авторское новаторство. Примерами таких эпох могут послужить Ренессанс в Западной Европе, Серебряный век в России или не столь давно случившаяся Перестройка (1985-1991 гг.), имевшая для страны не только социально-экономическое, но и духовное значение. Однако почти всегда культурный перелом сопровождается социально-духовным кризисом, и для исследователя бывает непросто отделить культурные явления, обусловленные любым кризисным состоянием, от оригинального и неповторимого авторского творчества, отличить гибель от радикальной трансформации и упадок – от нового стиля. В данной работе мы проанализируем особенности трансформации русской духовной культуры в Серебряном веке. В качестве наиболее ярких симптомов этой метаморфозы мы рассмотрим философию всеединства В. С. Соловьёва, экзистенциализм Н. А. Бердяева и поэзию А. Блока. **Актуальность** данной темы обусловлена тем фактом, что подобные культурные трансформации происходят в обществе периодически, и выделить социально-духовные причины изменения духовных (в особенности нравственных) ориентиров российского общества на рубеже XIX-XX вв. значит понять аналогичные процессы Перестройки, наших дней и будущих эпох. **Научная новизна** работы заключается в анализе определённых художественных произведений и философских систем в качестве конкретных проявлений культурной трансформации.

Серебряный век является временем реформирования предшествующей литературной, религиозной и философской традиций. Закреплению данного термина (Серебряный век) способствовал Н. А. Бердяев в своих сочинениях [1, с. 8], который назвал переходный период «серебряным» веком в противовес пушкинскому веку – веку «золотому». Особенно пересмотру подвергается этика, нравственные установки предыдущих веков. Среди наиболее известных современных исследователей, занимающихся изучением данного вопроса, можно выделить П. П. Гайденко, М. М. Бахтина, А. Ф. Замалева, А. А. Радугина, протопресв. Александра (Шмемана) и т.д.

Традиционная этика русской духовной культуры XVIII-XIX вв. состояла в единстве нравственных критериев. В основе ее лежали проблемы добра и зла. Это не значит, что она представляла собой сборник моральных предписаний. Это значило, что этика была пропитана нравственностью, размышляла о применении моральных ценностей к повседневной жизни. Нравственная, так сказать, солидарность культуры, признание

главенства нравственного, а не эстетического, как в Серебряном веке, составили фундамент русского традиционного культурного самосознания.

Именно этот принцип оказался отброшенным в период «духовного ренессанса». Дело здесь не в имморализме или провозглашении новой морали. С одной стороны, русское культурное самосознание было более открытым ко всему новому, но, с другой стороны, все это было окрашено в мистические тона. Также можно при беглом анализе начала XX в. отметить отсутствие единого мировоззрения. Таким образом, моральные нормы и понятия нравственности перестали быть определяющими факторами культурного самосознания.

Основополагающей идеей русской этики Серебряного века стала религиозная, мистическая интерпретация нравственности. Появляются новые философские направления: философия «всеединства» В. С. Соловьева, С. Л. Франка, С. Н. Булгакова и т.д., а также русский экзистенциализм, представленный Н. А. Бердяевым и Л. И. Шестовым. Оба направления продолжили иррационалистическую традицию «философии жизни», что проявлялось в попытке осмыслить главные этические вопросы без отрыва от мира, жизни как таковой.

Одним из фундаментальных вопросов, рассматриваемых данными школами, является проблема смысла человеческого существования. Н. Бердяев четко определяет задачи новой этики: «Нужно постигнуть смысл жизни, истина должна быть открыта всем, чтобы освободить людей от соблазнов, чтобы решить проблему хлеба насущного, проблему свободы совести, проблему всемирного соединения людей» [2, с. 23]. Осознание трагизма жизни и бессмысленности человеческого бытия являлось для отечественных философов своеобразным способом созидания позитива, т.е. обоснования такой ценности, которая позволила бы преодолеть мировое зло и вдохнуть в существование некий высший смысл. В решении этого вопроса невозможно избежать апелляции к христианской традиции. Евгений Трубецкой высказет следующую мысль на этот счет: «Бог как жизненная полнота и есть основное предположение всякой жизни. Это и есть то, ради чего стоит жить и без чего жизнь не имела бы цены» [7, с. 76]. В частности, сам Н. Бердяев посвящает катехизису немалую часть своих работ. «Мы приходим к Богу совсем не потому, что рациональное мышление требует бытия Божьего, – пишет мыслитель, – а потому, что мир упирается в тайну и в ней рациональное мышление кончается» [3, с. 29]. В дальнейшем Бердяев построит всю свою философию, которую назовут антроподицеей, на понятиях Бога, свободы, человека и творчества. Бердяев считал, что «творчество само есть религия. Его цель – искание смысла бытия, который лежит за пределами мировой данности» [4, с. 192].

Помимо экзистенциальной этики Бердяева существовала также философия «всеединства», ярким представителем которой был русский мыслитель Владимир Соловьев. Философ много рассуждает о роли России в преобразовании мира. Однако затем Соловьев останавливается на следующем убеждении: русский народ не взрастил в себе сознание своего предназначения, поэтому час его исторического призвания еще не пробил. На определенном этапе духовной эволюции мала становится надежда на религиозную революцию [6, с. 31]. Данную мысль разделял и Бердяев, утверждая, что мы живем в мире безумия. Что касается Л. И. Шестова, то для него вообще не существовало задачи преобразования мира. Философ занимался изучением изолированного субъекта, идущего религиозным путем и ищущего спасение в вере. Шестов напишет: «Добро – братская любовь, – мы знаем теперь из опыта Ницше, – не есть Бог. <...> Нужно искать того, что выше сострадания, выше добра. Нужно искать Бога» [9, с. 87].

Таким образом, общий теоретический контекст этики Серебряного века таков: смысл жизни и самопознание – высшие ценности, которые возможно постигнуть с помощью чувственной мистической интуиции. Также и принцип свободы творчества должен быть свободно принят человеком и осуществлен в его деятельности. Как мы видим, эти новые принципы практически противоположны русской культуре прежних эпох, когда в ней доминировала этика и признавался безусловный примат нравственности над познанием или эстетической формой.

Появлению таких философских направлений способствовали социально-экономические и идейно-теоретические предпосылки, сложившиеся в обществе рубежа XIX–XX вв. Отмена крепостного права в 1861 г. привела к быстрому распаду сословного общества, и, сохраняясь юридически, к началу XX в. сословия де-факто не существовали. В пронизанном кастовым и земляческим духом русском обществе наступил «вакуум идентичности»: если прежде каждый человек был неразрывно связан со своей социальной группой (дворянин и купец – через собрания, крестьянин – через общину, казак – через воинскую повинность), то теперь индивид почувствовал себя брошенным на произвол судьбы и очень одиноким. Проблема осложнялась тем, что малоземелье не позволяло многим крестьянам оставаться в деревне и буквально против воли заставляло их переселяться в города, пополняя ряды принципиально новой, не знакомой классической культуре общественной группы – пролетариата. Дворянин-помещик, в свою очередь, оказался лишён бесплатной рабочей силы и уже не мог вести хозяйство прежним, традиционным способом. В результате многие помещики разорились и покинули родовые гнезда, а поместья попали в руки предпринимателей, чуждых духу прежней культуры (например, вчерашние управляющие прежних господ – не купцы, не дворяне и не крестьяне). В таких условиях прежние духовно-нравственные ориентиры уже не соответствовали ситуации. Образно говоря, пушкинский Онегин заблудился бы в фабричных районах Петербурга конца XIX в. и не встретил ни одного знакомого лица. То, чем жили русские интеллектуалы на протяжении XVIII – нач. XIX в., стремительно обесценивалось, устаревало, а в начале XX в. и высмеивалось. Но никаких духовных ориентиров, известных всем или хотя бы одобряемых всеми (наподобие «правды» или «народа» в первой половине XIX в.), в начале XX в. не было.

Трансформацию нравственности на рубеже XIX–XX вв. описывает А. П. Чехов в рассказе «Старость», указывая на ощущение близкого конца света и глобальных перемен. Чехов писал этот рассказ, будучи довольно

молодым, но все же он тонко прочувствовал трагизм конечности бытия. Главный герой Борис Петрович Узелков всю жизнь был архитектором в Петербурге. Наконец его через восемнадцать лет вызывают в родной город для реставрации кладбищенской церкви. Узелков провел в этом краю свои детство и юность, женился, но теперь все изменилось, время утекло. Но грустней всего то, что в худшую сторону менялся не только город. «Но ни заборы, ни дома – ничто так не изменилось, как люди» [8, с. 297]. Чехов рисует портрет Узелкова и его давнего знакомого адвоката Ивана Николаевича Шапкина. Второй некогда помогал архитектору хитро оформить бракоразводный процесс, чтобы выйти сухим из воды. И вот уже пожилые Узелков и Шапкин вспоминают былые дни, сходясь на мысли, что, несмотря на то, что в молодости они вели себя не вполне пристойно и совершили много нечестивого, это все-таки гораздо лучше, чем седины и плешивая голова, поблескивающая на зимнем солнце. «Как ни противно прошлое, но оно лучше, чем это» [Там же, с. 302]. Так, Чехов рисует нам людей, промотавших свою жизнь в погоне за лучшим, которые в конечном счете остались несчастны у «разбитого корыта». Виной этому, как считают сами герои, – старость. В конце рассказа мы видим потуги Узелкова на скупую слезу о прошлом, попытка погрузиться в содеянном, о смерти бывшей жены, умершей в одиночестве от пьянства, на чьей могиле даже памятник ставил не он, а какой-то прапорщик. Даже нравственность Узелкова не трансформируется, он хочет грустить ради наслаждения, как бы напоказ перед самим собой: «И он чувствовал, что плач этот вышел бы у него вкусный, освежающий» [Там же]. Однако момент плача был упущен, человек продолжил путь по накатанной проторенной дороге. Выходит, никакая мудрость не может быть получена без нравственности. Но никакой человек не может принять старость без мудрости.

Эмигрантский исследователь протопресв. Александр (Шмеман) отмечает, что моральной доминантой единого пространства, в котором развивалась предшествующая культурная традиция, было неприятие насилия над человеком, унижения и раболепства. Но русская культура никогда не была радикальной, она, вопреки мнению народников, не жила в ожидании бунта. Ее доминантой было не требование справедливости, а надежда на милосердие.

Как уже говорилось ранее, начало XX в. покончило с единым нравственным пространством. По выражению Александра Шмемана, культура больше не хотела быть певцом духа, но каждый деятель культуры считал себя пророком, творцом новой нравственности. Некоторые, как Н. Гумилев, игнорировали реальное положение дел, увлекшись поэтической формой, другие, как Н. А. Бердяев, призывали к созданию новой нравственности. Третьи, подобно А. А. Блоку и П. А. Кропоткину, ожидали стихийного возникновения новой морали из бунта, причём насилие и унижение стали восприниматься ими инструментально. Так, Блок просто описывал революционную действительность с мистическим уклоном в поэме «Двенадцать», не собираясь ничего подчеркивать, кроме обновления. Кропоткин же считал грабеж нужным и полезным элементом политической модернизации.

Даже те писатели, которые не предлагали своих моделей морали, все равно указывали лишь на беспросветность реальной жизни и на неизбежность разрушения ее нынешних форм. Так, произведения Бунина и Горького представляют народ не как объект восхищения или жалости, а просто как иррациональную, неустроенную, но готовую к социальному взрыву среду.

Рассуждая о народе и его благе, пытаясь выразить эту мифическую «правду», деятели русской культуры XIX в. часто и радикально расходились в формулировке этих критериев. Например, князь М. М. Щербатов мог не соглашаться с А. Н. Радищевым по вопросу о том, что для народа лучше – революция или патриархальная утопия, но ни консерватор, ни радикал не допускали и мысли о том, что народ не стоит их внимания. Западники не соглашались со славянофилами о дальнейшем историческом пути России, но оба направления считали недопустимым сохранение крепостного права. Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский обвиняли друг друга в слишком болезненном описании жизни, в неправильной философии, но ни Достоевский, ни Толстой не отрицали роли в культуре своего оппонента. Точно так же философы-консерваторы отрицали истинность утопических построений Н. Г. Чернышевского и М. А. Бакунина, но в моральной их составляющей не сомневались.

Совершенно иначе выглядело поле культуры начала XX в. Единое прежде миропонимание распалось на множество направлений, течений и организаций, каждая из которых имела свой манифест и пыталась наглухо отгородиться от остальных. Например, В. В. Маяковский категорически не признавал А. С. Пушкина, И. А. Бунин отрицал поэтический дар А. А. Блока, поклонники В. С. Соловьева не замечали философию К. Н. Леонтьева и т.д. Получилось, что не представители различных точек зрения ведут спор об одной проблеме, а множество различных течений обсуждает каждое свою проблему исключительно в своем кругу. Одни искали в философии новые способы постижения истины, другие – ждали революции, третьи ударились в псевдорелигиозное реформаторство, и каждое из этих течений не желало знать об остальных аналогичных течениях.

Утрату единого мироощущения можно проследить по творчеству А. Блока, одного из самых известных и признанных поэтов Серебряного века. Его трехтомное собрание стихотворений, изданное в хронологическом порядке, демонстрирует непостижимое, лишенное смысла колебание: в первом томе Блок увлечен мистикой В. С. Соловьева, он с минуты на минуту ждет обновления мира, пишет и о Прекрасной Даме; во втором томе его поэзия пронизана отчаянием и одиночеством (метафорически – «городская ночь»); третий том снова говорит о возрождении, начинаясь «Куликовым полем» и завершаясь «Двенадцатью» – между этими поэмами нет смысловой связи, хотя обе они содержат пафос возрождения. Складывается впечатление, что Блок не просто не имел цельной картины мира, но даже каждый день смотрел на мир новыми глазами. В своем стихотворении «Поэты», написанном летом 1908 года, Блок изначально описывает грязный пустынный квартал – «печальное болото», в котором рождаются стихи. Поэтов, живших там, Блок называет циничными и надменными. Они целыми днями пьют и «работают тупо и рьяно». Сравнение поэтов с псами наводит

на мысль о неприязненном, как минимум, отношении Блока к коллегам. Но что мы видим потом? Затем автор в момент преображает мир поэтов и пишет следующие строки:

«Так жили поэты. Читатель и друг!
Ты думаешь, может быть, – хуже
Твоих ежедневных бессильных потуг,
Твоей обывательской лужи? (здесь и далее курсив автора статьи. – Ю. Г.)
Нет, милый читатель, мой критик слепой!
По крайности, есть у поэта
И косы, и тучки, и век золотой,
Тебе ж недоступно все это!..» [5, с. 299].

Этим он как бы оправдывает все, что сказал до этого. Блок высказывает такую мысль: поэты могут казаться чудаками, но они не привыкли довольствоваться тем малым, что дала им жизнь; поэту всегда «мало конституций», по выражению Блока. Стихотворение завершается такими строками:

«Пуškai я умру под забором, как пес,
Пуškai жизнь меня в землю втоптала...» [Там же].

Сам автор демонстрирует этими строками свой протест против «ежедневных бессильных потуг» простого обывателя, которые гораздо хуже жизни поэтов. Заметим, что вторая часть стихотворения («Пуškai я умру под забором, как пес») звучит диаметрально противоположно предыдущему: «Потом вылезали из будок, как псы...». Таким образом, наглядно видно, насколько противоречиво мировосприятие самого известного, на мой взгляд, символиста Серебряного века.

Противоречивым и непоследовательным был не только А. Блок. Сама эпоха Серебряного века способствовала этому. Александр Шмеман усматривает тенденцию к распаду нравственного начала и разлому культурного единства в предшествующей литературе: «...творцы “серебряного века” начали с того, что *себя* (курсив автора) провозгласили пророками и теургами. На деле же их творчество отразило распад нравственного сознания, простерло над Россией некий туман двусмыслицы и соблазна, которые, в момент страшного испытания, лишили ее нравственной силы» [10, с. 106]. Шмеман считает перелом в русском культурном самосознании неоспоримым фактом начала XX в. Несомненно, было возрождение творчества, духовный подъем, но все это омрачает глубокий разлом внутри русского сознания. С петровских времен и до XX в. культура обладала единством *нравственных критериев*, которым отводилась главенствующая роль, а теперь культура не столько разделилась, сколько *распалась*. Серебряный век окрашивается в мистические тона. Теперь мораль и нравственность не определяли культурное самосознание. Свои рассуждения Шмеман завершает мыслью о потере Россией единого и единственного культурного самосознания, которое только и могло быть настоящим. Так, говоря о А. А. Блоке, исследователь отмечает: «Ему нечего оказалось сказать, легче было задохнуться и умереть» [Там же, с. 176].

Русский «ренессанс» XX в. был временем духовной неясности, путаницы, временем духовного кризиса. В этот период происходит нарушение того глубокого и внутреннего единства самосознания, которое Шмеман называет главной особенностью культурного менталитета России на протяжении почти двух веков [Там же, с. 187]. Шмеман говорит о нравственном единстве – согласии в области основных этических принципов. Теперь «объединяющая культурное сознание общность» распалась, а раскол этического единства пошел в разные стороны. Здесь упоминается о переходе от «этики» к «догматике», что проявлялось в символизме. Шмеман считает появление символизма ознаменованием краха нравственного аспекта русского культурного самосознания. Свежий воздух, который вдохнул в Россию Серебряный век, был оторван от этики. «В нем было больше обращенности к народу, но к народу, ставшему каким-то абстрактным, иррациональным, с которым нравственная связь уже больше не ощущалась» [Там же, с. 194].

Подводя итоги, следует отметить, что трансформация русской духовной культуры на рубеже XIX–XX вв. была закономерной, хотя и не благоприятной. Социальная трансформация русского общества, последовавшая после отмены крепостного права, не могла не привести к росту индивидуализма и ощущению одиночества. Поэтому прежняя русская культурная картина мира, в которой господствовала ориентация на нравственность, уже не соответствовала реальному положению дел. Нравственность предполагает признание единства общества, духовную связь его членов между собой. Но общество Серебряного века не было единым. Именно поэтому его доминирующими духовными тенденциями стали иррационализм, экзистенциализм, апокалиптические предчувствия, эстетизм вместо этики и т.д. Ведь все эти течения и устремления хорошо подходят для одинокого индивида, равно как и неприменимы для гармоничного общества, исполненного духа братства и солидарности.

Список источников

1. Артамошкина Л. Е. Философия и искусство Серебряного века в судьбе России. СПб.: Изд-во СПбГИЭУ, 2012. 324 с.
2. Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. СПб.: Издание М. В. Пирожкова, 1907. 479 с.
3. Бердяев Н. А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. 383 с.
4. Бердяев Н. А. Самопознание: опыт философской автобиографии. М.: Книга, 1991. 450 с.
5. Блок А. А. Покой нам только снится... М.: АСТ, 2018. 480 с.

6. Соловьев В. С. Русская идея. Сочинения: в 2-х т. М.: Правда, 1989. Т. 2. 205 с.
7. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1918. 232 с.
8. Чехов А. П. Святая простота: сборник. М.: АСТ; Ленинград, 2018. 512 с.
9. Шестов Л. И. Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше: в 6-ти т. СПб.: Шиповник, 1911. Т. 2. 192 с.
10. Шмеман А. Д. Основы русской культуры: беседы на Радио Свобода. 1970-1971. М.: Издательство ПСТГУ, 2017. 416 с.

Social and Spiritual Prerequisites for Transformation of the Russian Culture in the Silver Age

Goncharova Yuliya Vadimovna
Voronezh State University
goncharovajulia@icloud.com

This article examines the process of transformation of spiritual guidelines of the Russian culture in the Silver Age (turn of the XIX-XX centuries). The author believes that abolition of serfdom in 1861 and subsequent social metamorphoses led to disintegration of the Russian society. As a result, old spiritual guidelines had lost their relevance. But the Silver Age culture that replaced the classical one was initially focused on an individual detached from any social group and deprived of sociality. The paper examines the basic philosophical conceptions of the Silver Age and the social factors that contributed to their formation.

Key words and phrases: Silver Age; transformation of ethical attitudes; philosophy of all-unity; religious existentialism; irrationalism; "spiritual Renaissance".

УДК 1; 008.009:39

Дата поступления рукописи: 29.01.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.3.22>

Статья посвящена проблеме миграции и конфликтам, связанным с ней. Отмечается, что вследствие естественной убыли населения иммиграция остается основным источником восполнения численности населения в Европе и России. Указывается, что привлечение трудовых иммигрантов, не желающих адаптироваться к нормам принимающего социума, привело к росту ксенофобии и возникновению исламофобских настроений. Актуализируется ведущая роль государства в проблеме урегулирования конфликтов, так как только продуманная миграционная политика способна наладить диалог между всеми сторонами конфликта.

Ключевые слова и фразы: конфликт; миграция; кризис; ксенофобия; исламофобия; компромисс; адаптация; культурный шок; миграционная политика.

Манапова Виолета Эльдаровна, д. филос. н., доцент
Дагестанский государственный университет народного хозяйства, г. Махачкала
vmanapova@mail.ru

Исламофобия в России и мире как отражение миграционных процессов

Миграционные процессы в современном мире становятся интенсивнее с каждым годом. Зачастую социально-культурные различия между мигрантами, являющимися носителями традиционной культуры, и культурой принимающей страны настолько сильны, что возникают очаги конфликтов, угрожающие государственной безопасности. Основными участниками конфликтов, связанных с иммиграцией, являются две стороны – постоянные жители и иммигранты. Иногда в конфликт вмешивается власть или диаспоры, если мигранты идентифицируют себя с этносом [2].

Россия нуждается в мигрантах для сокращения естественной убыли населения [10]. В Проекте концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утратившем силу 31 октября 2018 г., указывалось в качестве целей миграционной политики: стабилизация численности населения, удовлетворение потребностей экономики в рабочей силе, обеспечение национальной безопасности в регионе.

Актуальность исследования заключается в том, что пределы миграции есть в любой стране. Пока количество иммигрантов невелико, проблемы межкультурного взаимодействия возникают достаточно редко, так как иммигранты быстро растворяются в местной культурной среде. Когда число иммигрантов быстро увеличивается и образуются социокультурные анклав, возникают межкультурные напряжения. Этот процесс способствует усилению социально-экономического неравенства «местного» и «пришлого» населения.

Научная новизна работы состоит в изучении роста ксенофобских настроений в обществе на фоне увеличения числа мигрантов. В статье комплексно изучена проблема исламофобии, ее сущность и формы проявления.

Цель исследования состоит в выявлении причин исламофобских настроений в обществе и путей разрешения межкультурных конфликтов. Таким образом, постановка цели предполагает решение таких задач,